
Мой голос – это голос только мой,
И за меня не впишется эпоха.
Я блюдечко с надколотой каймой,
Осенний лист, букет чертополоха,
А это вам не птица в небесах,
Не волнорез, не молния, не буря.

Немного понимаю в вещих снах,
Простых вещах и всяческом сумбуре,
А в жизненности – ровно ничего,
А хочется искусства - не юродства.
Но я не вечный смысл, а вне его,
Тем больше рада родственности, сходству –
Бесстрашной чтоб и радостней звучать, –
Хоть с кем-нибудь, кто сам плавучий остров,

И будет слово чем-то, что сложней
И, может быть, прекрасней доброй притчи,

Чтоб уместить шесть прежних падежей
В морской букварь ли, в облачный ли, птичий.

Я боюсь не того,
чего стоит сегодня бояться,
за углом стерегло,
объясняло на ломаных пальцах —
жизнь не замкнутый круг,
но упрёшься в ограду вольера.

Нам не то, чтобы врут,
если каждому будет по вере.
Кто, замыслив роман,
обойдётся записками маме,
доверяет слова
только стёклам поверх амальгамы —
и тогда только ты разберёшь

а д г о к и н я
у р м у е н
а д г о к и н ы т
ь ш ё р м у е н.

Утешаться дешёвым вымыслом?
Чудеса, из которых выросла,
Так красиво шуршат страницами,
Но не топчутся у крыльца.

Не водиться с пустыми лицами —
Наше время бежит водицею.
Не утешиться и забыться бы —
Но исполниться до конца.
Не звездою на дне колодца,
На полставки канатоходцем,

Если строчки порой сбываются,
Пусть я буду плясунья, странница.

Семена прорастут, как примутся –
Чудеса, на которых выросла.

Что снится кошке? *Город* у воды.
Что не вода в том *городе* – то камень.
Ах, Крысолов, не вырони дуды,
Не трогай сна кошачьего руками
До времени. От плюшевых ушей
До задних лап под теплым одеялом,
Из созданных для рая шалашей
До зряшной траты стройматериала;
И мыши, что затихли по углам,
И чайки, что исследуют периметр:
Все знают, что дорога пролегла –
И облака распорота перина.

Ведь кошке снится *город* у воды.

Как высоко ворона вьёт гнездо –
Из глины, веток, ветоши замшелой.
Сервизом разживаться не резон –
Брошюрным переплётom Мэри Шелли
Утешится хозяйка. Ветер нёс
Цветные лоскуты – всё мимо, мимо.
Учув вора, лает чей-то пёс,
Но гость ночной прослыл неумолимым.

Что человек с любовью собирал –
Салфетки, блюдца, детские рисунки –
Все признаки уюта и добра
Он унесёт в большой беззвёздной сумке

И сохранит в чулане до поры,
До времени небесной барахолки.
Постой, душа — стеклянные шары,
Смолистый запах ёлочных иголок.

Слово, говорили, есть живое,
а за ним по следу — слово мёртвое.
Если автор дружит с головою —
значит, не пожертвует аортою?
Жёлтая машинка слова «синтаксис»
фыркнет и заблудится во дворах.
Слово, раньше времени не выплеснись —
в рукопись, статеечку, контракт.
Я одна стояла в этом поле —
полный рот колодезной воды:

тело текста,
тили тесто,
пыль да *дым*.